

Связь психологической суверенности и социальных верований: границы личности в контексте «большого» социума

С.К. НАРТОВА-БОЧАВЕР*,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия, s-nartova@yandex.ru

Изучалась связь между психологической суверенностью и социальными верованиями: верой в справедливый мир, религиозностью, ожиданием вознаграждения за усилия, контролем над судьбой. Обследовано 288 респондентов ($M_{\text{возраст}} = 23,7$), 66 — мужского пола. Использовались опросники: «Суверенность психологического пространства — 2010» (Нартова-Бочавер, 2014), шкалы «Вера в справедливый мир» и «Вера в личную справедливость» (Dalbert, 1999) и «Шкала социальных аксиом» (Leung et al., 2002; Татарко, Лебедева, 2008). Обнаружено, что социальные верования различаются в зависимости от уровня суверенности. Кроме того, в группе депривированных основные предикторы верований — это суверенность тела и территории, в группе сверхсуверенных — суверенность территории и временных привычек, а в группе умеренно суверенных значимых связей не найдено. Делается вывод, что умеренно суверенные, представляющие собой наиболее адаптированную группу, свободны от типичных верований как формы социальных стереотипов.

Ключевые слова: психологическая суверенность, социальные верования, вера в справедливый мир, вознаграждение за усилия, контроль над судьбой.

Введение

Проблема поиска внутриличностных предикторов социальных установок и отношений обладает перманентной актуальностью для социальной психологии. В настоящем исследовании мы рассматриваем связь между психологической

суверенностью как чертой личности и социальными верованиями.

Психологическая суверенность — это качество личности, ответственное за достижение независимости и автономии, необходимых для поддержания психологического благополучия человека [4; 5; 7]. В наиболее общем виде психоло-

Для цитаты:

Нартова-Бочавер С.К. Связь психологической суверенности и социальных верований: границы личности в контексте «большого» социума // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 100–114. doi:10.17759/sps.2017080308

* *Нартова-Бочавер Софья Кимовна* — доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, s-nartova@yandex.ru

гическую суверенность мы определяем как способность устанавливать и оберегать границы собственной эмпирической личности, как баланс между собственными потребностями субъекта и потребностями окружающих его людей. При этом, разумеется, слово «граница» используется в основном как метафора; и если применительно к территории границы — это буквально физические барьеры, то в других областях бытия это скорее набор имплицитных или эксплицитных правил, регулирующих взаимодействие человека с другими людьми, разделяющих их на своих и чужих.

Изначально, онтогенетически, границы обозначают «контуры» растущей личности, отделяя ее от эмпирических личностей самых близких людей — матери, отца, братьев и сестер, прародителей, причем проявляются они через повседневные конфликты, в результате которых ребенок отвоевывает себе часть личной свободы. То есть границы начинают формироваться в проксимальных отношениях — используя терминологию У. Бронфенбреннера, в микро- и мезосистемах [7; 9; 15]. Границы между собой и «своими» возникают в начале развития личности; в дальнейшем, сепарируясь от ближайшего окружения в повседневной жизни, человек обретает автономию, растет как субъект.

Суверенность как межличностный и культурный феномен

Как правило, взаимодействие возникает в связи с разделением каких-то ресурсов, важных для человеческой жизнедеятельности, — места, вещей, времени, информации, свободы, любви, внимания; границы несущественны и не нужны там,

где нечего делить и отвоевывать. Таким образом, их актуализация всегда сопряжена с наличием некоторой ценности. В рамках нашей концепции мы выделяем следующие объекты психологической суверенизации: суверенность собственного (физического) тела, территории, личных вещей, временных привычек, социальных связей и ценностей. Именно в этой последовательности, соответствующей этапам сепарации подрастающего ребенка от матери и других близких людей, и развивается суверенность: вначале происходит идентификация со своим телом и территорией, затем — личными предметами и социально-духовными составляющими эмпирической личности. Возможно, поэтому тело и территория остаются наиболее значимыми элементами самоэкспозиции, а переживание их нарушения/защищенности играет самую важную роль в адаптации и развитии личности.

Суверенность — это не обязательная нормативная черта. Она может возникнуть в дружественных семейных условиях, при отсутствии деприваций и стрессов или при наличии сильного темперамента ребенка, умеющего в условиях давления и лишений настоять на своем и защитить себя. Однако ребенок с неблагоприятными по разным причинам начальными условиями развития может и не получить возможности для того, чтобы его психологические границы сформировались прочными и целостными. И тогда на протяжении жизненного пути у него будет сохраняться риск оказываться в виктимной ситуации, разрушающей и без того хрупкие границы [12].

Таким образом, с самого начала суверенность как феномен границ — явление межличностное, социальное, которое стимулируется или разрушается актив-

ностью других людей и даже просто их существованием рядом. Подобно государственным и прочим физическим границам она отделяет «владения» одного человека от «владений» другого.

Интересно, что онтогенетически обратимость психологических границ начинает признаваться не сразу. Первоначально границы начинают воздвигаться для того, чтобы защитить себя и «свое». Однако по мере взросления ребенка, с развитием его «модели психического», укрепляется представление о том, что у других людей также есть границы, а еще позже — что они существуют не только чтобы защитить себя, но и для того, чтобы защитить от себя других, т. е. суверенность как черта личности становится инструментом равноправного взаимодействия [8]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, развиваясь в пространстве микросистемы, суверенность как черта личности способствует гармоничным, свободным отношениям внутри этой микросистемы — общение суверенных людей свободно от тревожности и избегания близости, отличается теплотой, надежной привязанностью, уважением партнеров по общению.

Прочность личностных границ представляет собой важный адаптивный инструмент, регулирующий отношения человека и других людей.

Однако непонятно, до какой степени простирается ощущение собственной безопасности и защищенности, связано ли оно только с особенностями социальных установок, регулирующих отношения между собой и «своими», или также между собой и «другими» и тем более — «чужими». Культурный контекст и «большой» социум в связи с протективной функцией суверенности за редким исключением практически не рассматривались, однако имеющиеся исследования весьма

интересны. Так, в работах К.В. Мартиросян было показано, что различия между разнонациональными группами присутствуют и при этом имеют разную направленность в зависимости от пола: армянские юноши по сравнению с русскими демонстрируют более высокий уровень суверенности, чувствуя себя свободными в выборе социальных контактов, территории проживания и удовлетворении физиологических потребностей [1; 2]. Исследовательница объясняет это тем, что армянские юноши по сравнению с русскими юношами и армянскими девушками раньше начинают жить самостоятельно и реже сталкиваются с ограничениями и самоограничениями. Что касается молодых и среднего возраста армянок, то их показатели суверенности значимо ниже по сравнению как со сверстниками-армянами, так и с русскими женщинами. В нашем собственном исследовании суверенности русских, армян и китайцев подросткового и юношеского возраста получены очень схожие результаты: хотя средние показатели суверенности различаются незначительно, возрастная динамика и гендерные проявления отражают воспитательные традиции и степень гендерной свободы в рассматриваемых культурах [13].

Интересна постановка вопроса о феноменологии суверенности в межкультурном пространстве, предпринятая С.Я. Телегиной [11]. Изучая суверенность младших и старших подростков (русских, евреев и татар), проживающих в родной или неродной культуре, исследовательница обнаружила, что при наличии этно-сензитивных различий в изучаемой характеристике ее уровень существенно ниже у подростков, живущих в условиях иной культуры, причем эта разница модерируется возрастом — она сильнее выражена у старших подростков.

Мировоззренческие особенности, относящиеся человека не только с микро-социумом, но и с «большим» социумом, социальные установки и верования в связи с психологической суверенностью никогда ранее не изучались. Между тем даже в отсутствие каких-либо предварительных данных можно ожидать, что суверенность продолжает реализовывать свои регулятивные и адаптивные функции также и в широком социальном мире. Формируясь в пространстве между собой и «своими», она вполне может затем определять установки на обобщенного и отдаленного во времени и пространстве «другого». Кроме того, некоторые данные, полученные специалистами в области географии морали (*moral geographers*), косвенно свидетельствуют в пользу целесообразности изучения связи между психологической суверенностью и мировоззренческими установками личности. Отмечая, что чувство личной ответственности за другие регионы и идентификации с ними не безгранично, они получили данные о связи привязанности к среде с суждениями о справедливости: чем дальше расположен регион, тем менее моральными кажутся происходящие там события [3; 16; 21; 23]. Р. Зайонч в своей экспозиционной теории также отмечал, что позитивный аффект сильнее проявляется в условиях привычных стимулов и потому чувство преданности и верности в первую очередь направлено на (из числа изученных исследователем сред) свой город, потом — область, затем — на нацию в целом и лишь в последнюю очередь — на интернациональный мир вообще.

Таким образом, эмпирических данных о том, как суверенность проявляет себя в социокультурном контексте, очень мало, однако исходя из понимания смыс-

ла суверенности как адаптивной черты личности, отражающей уверенность в целостности и сохранности персонализированной части среды, можно ожидать, что они существуют. В данном исследовании мы поставили *цель* изучить, сочетается ли и если да, то как именно суверенность с другими адаптивными феноменами социокультурного пространства, а именно с социальными верованиями, обнаружатся ли устойчивые мировоззренческие установки в группах разного уровня суверенности.

Социальные верования — это наиболее общие убеждения относительно мироустройства и правильности своего поведения по отношению к другим, которые, как правило, иррациональны [7; 10; 14; 17; 18; 19]). Вариантами таких верований могут быть социальные аксиомы или иллюзии, например, вера в (не)справедливый мир. Верования обладают высокой адаптивной силой, упорядочивая человеческое бытие, формируя стереотипы и предписания относительно должностующего поведения и таким образом экономя энергию человека. При этом верования отличаются как от ценностей (*values*), так и от добродетелей (*virtues*), поскольку нередко содержат неоднозначные с моральной точки зрения убеждения. И суверенность, и социальные установки сами по себе не представляют высшей цели развития личности, однако они полезны как инструмент, способствующий реализации этой цели; поэтому их сопоставление и анализ возможных взаимосвязей между ними кажется вполне правомерным.

Дизайн и процедура исследования

Поскольку предварительных данных о связях между изучаемыми переменны-

ми не было, в нашем разведывательном исследовании мы предположили, что суверенность может быть связана с социальными верованиями и что эта связь будет нелинейной, т. е., скорее всего, модерированной уровнем выраженности суверенности. Иначе говоря, депривированные, умеренно суверенные и сверхсуверенные люди могут обладать социальными верованиями разного содержания: в зависимости от степени сохранности личных границ люди вырабатывают различную идеологию и жизненную философию, помогающую им адаптироваться и развиваться.

Зависимую переменную¹ (социальные верования) составили пять убеждений: Вера в общую справедливость мира ($ВСМ_{общ}$), Вера в справедливость по отношению к субъекту ($ВСМ_{личн}$), Вознаграждение за усилия (ВУ), Религиозность (Р), Контроль над судьбой (КС) [18; 19]. Понятие веры в справедливый мир было введено в научный обиход психологии М. Лернером и К. Дальберт [17; 18]. Вера в справедливость мира (General belief in a just world) отражает убеждение человека в том, что мир — это справедливое место, в котором люди получают то, что заслуживают, и могут добиться того, чего желают. Вера в справедливость по отношению к субъекту (Personal belief in a just world) абстрагируется от оценки мироустройства вообще, однако отражает убеждение в том, что все, что человек претерпел или чем был вознагражден, было заслужено им благодаря личным усилиям или в силу собственных ошибок и проступков. Адаптивные функции

$ВСМ_{общ}$ и $ВСМ_{личн}$ различны, однако они есть: если первая выполняет эпистемологическую задачу упорядочивания картины мира вообще, то вторая связана с показателями личного благополучия и способствует ослаблению негативных и деструктивных чувств зависти, депрессии, разочарования [22].

Другие переменные верований были нами позаимствованы из теории социальных аксиом, развиваемой в работах К. Леунга с соавторами [10; 14; 19]. Социальные аксиомы определяются им как обобщенные верования относительно самого себя, социальной и физической среды и духовного мира, представленные в форме утверждений об отношениях между двумя сущностями («С хорошими людьми происходят хорошие события» и пр.). Мы исследовали следующие социальные верования. Вознаграждение за усилия (Reward for Application) означает убеждение в том, что усердие, знания и хорошее планирование приводят к положительным результатам. Религиозность (Religiosity, ранее Spirituality) предполагает признание существования некоторой высшей сущности в мире и позитивного эффекта религиозных практик для человека. Контроль над судьбой (Fate Control) в чем-то дополняет Религиозность, отражая уверенность в том, что жизненные события предопределены своими причинами, однако человеку дано на них влиять.

В нашем исследовании приняли участие 288 респондентов юношеского возраста ($M_{возраст} = 23,7$; $SD_{возраст} = 7,7$), 66 — мужского пола, студенты московских

¹ Поскольку исследование выполнено по доэкспериментальному плану, разделение на независимую и зависимые переменные условно; оно содержит лишь статистический смысл в контексте использования регрессионного анализа.

университетов разных специальностей; участие в исследовании было добровольным и реализовывалось в рамках практических занятий по психологии. Были использованы следующие шкальные опросники. СПП-2010 (67 пунктов) применялся для изучения уровня суверенности и включал шесть субшкал, отвечающих измерениям психологической суверенности: Суверенность физического тела (СФТ), территории (СТ), вещей (СВ), временных привычек (СП), социальных связей (СС) и ценностей (СЦ) [4]. Текст опросника неоднократно публиковался; в целях экономии места мы не приводим примеры утверждений. Опросник «Вера в справедливый мир» (13 пунктов) включал две шкалы — Веру в общую справедливость мира ($ВСМ_{общ}$) и Веру в справедливость по отношению к субъекту ($ВСМ_{лич}$) (Dalbert, 1999). Примеры утверждений опросника: «Я считаю, что по большому счету люди получают то, что заслуживают» ($ВСМ_{общ}$); «В моей жизни несправедливость — скорее исключение, чем правило» ($ВСМ_{лич}$). Наконец, применялась Шкала социальных аксиом (22 утверждения) — краткая форма в нашей адаптации (Bond, 2004; Татарко, Лебедева, 2008). Примеры утверждений опросника: «Религиозные люди больше придерживаются моральных принципов» (Р), «За несчастьем всегда следует удача» (КС), «Осторожность помогает избежать ошибок» (ВУ).

Показатель надежности используемых методов альфа Кронбаха в рамках текущего исследования составил от 0,69 до 0,91. Использовались подсчет непараметрического критерия Н Крускала—Уоллиса, корреляционный анализ (подсчет непараметрического коэффициента Спирмена) без деления группы по полу, а также парный регрес-

сионный анализ ввиду высокой мультиколлинеарности независимых переменных, служащих шкалами одного и того же опросника. В силу того что большинство полученных ранее связей суверенности имело нелинейный характер и меняло свой знак при переходе от низких к высоким значениям, мы разделили выборку на три уровня по тертилям; в группу сверхсуверенных вошло 94 человека, умеренно суверенных — 93, депривированных — 101 человек.

Результаты

Получены следующие эмпирические результаты (рис.).

Обнаружено, что различий в выраженности верований не так уж много, и потому на первый взгляд можно крайне осторожно говорить о типичной для каждого уровня суверенности жизненной философии. Использование непараметрического критерия Н Крускала—Уоллиса подтвердило значимость различий между умеренно суверенными и сверхсуверенными в показателях Вознаграждения за усилия и Веры в личную справедливость: первый ниже у сверхсуверенных, второй — выше (соответственно $H = 7,69$, $p = 0,02$; $H = 5,96$, $p = 0,05$). Неожиданно переживание справедливости по отношению к себе у сверхсуверенных по сравнению с умеренно суверенными оказалось связано не с затраченными усилиями, а с иными основаниями справедливости (возможно, со способностями или потребностями человека, а также принципом равенства или равных шансов) [20].

Дальнейшие расчеты привели к более интересным результатам. На всей выборке респондентов получено четы-

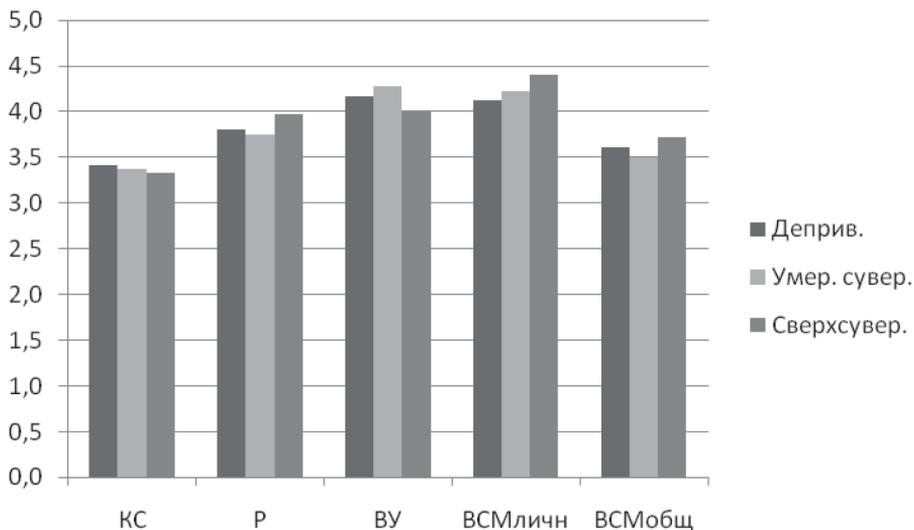

Рис. Социальные верования в группах с разным уровнем суверенности

ре высокочисленные положительные связи суверенности с Верой в личную справедливость, одна — с Верой в справедливость мира и одна отрицательная связь с Вознаграждением за усилия (табл.). Контроль над судьбой оказался никак не связан с суверенностью — возможно, потому, что суверенность сама по себе уже предполагает высокую субъектность и способность контролировать свою повседневную жизнь. Религиозность в тенденции связана с суверенностью ценностей — люди, способные отстоять свою жизненную философию, тяготеют к тому, чтобы не отрицать возможность высшей сущности. В целом чем более сохранены личностные границы респондентов, тем сильнее у них выражена следующая, вполне реалистичная и адаптивная, жизненная философия: мир относится к ним справедливо (заметим — не благоприятно!), возможно, это даже в целом справедливое место, но усилия тем не менее не приводят к успеху, а чело-

веческая жизнь не заполняет масштаб бытия полностью. Таким образом, наиболее выпуклый результат — это связь разных аспектов суверенности с Верой в личную справедливость, что в общем вполне логично: хорошо защищенный человек осознанно и бессознательно направляет другим людям послание об этом своем качестве и, кроме того, просто умеет отстаивать свои интересы, в силу чего несправедливость обходит его стороной и он реже попадает в викарные или рискованные ситуации.

Парный регрессионный анализ, впрочем, не выявил ни одной существенной связи — возможно, потому, что полученные корреляционные связи не могут быть описаны уравнением линейной регрессии.

После разделения респондентов по уровню суверенности результаты оказались более выразительными. Так, у депривированных обнаружены связи суверенности (уровень которой по определению невысок) с Верой в общую справедли-

Т а б л и ц а

Связь суверенности и социальных верований (r_s)

Шкалы	КС	Р	ВУ	ВСМ _{лич}	ВСМ _{общ}
СПП	-0,04	0,10	-0,07	0,16***	0,09
СФТ	-0,02	0,07	-0,05	0,19***	0,08
СТ	-0,03	0,08	-0,01	0,09	0,10*
СВ	-0,04	0,07	-0,05	0,12***	0,13***
СП	-0,05	0,08	-0,14***	0,18***	0,06
СС	-0,07	-0,07	-0,04	0,07	-0,02
СЦ	-0,01	0,11*	-0,01	0,05	0,06

Примечание. * связь значима в тенденции, $0,05 < p < 0,1$; *** на уровне $p < 0,01$.

вость, что характерно для людей, переживающих острый стресс или кризис. Общая суверенность, суверенность тела и территории оказались значимо положительно связаны с верой в справедливость мира (соответственно $r_s = 0,24$, $p = 0,02$; $r_s = 0,26$, $p = 0,01$; $r_s = 0,24$, $p = 0,02$). Суверенность тела помимо этого связана с верой в личную справедливость ($r_s = 0,33$, $p = 0,001$). Кроме того, обнаружена тенденция к положительной связи между суверенностью территории и Контролем над судьбой ($r_s = 0,18$, $p = 0,07$), т. е. даже незначительный (поскольку речь идет о депривированных) опыт в защите собственной территории сопряжен с надеждой на возможность изменить свою судьбу.

Связей с другими социальными верованиями — Религиозностью, Вознаграждением усилий — обнаружено не было. По-видимому, вера в справедливость в мире помогает людям с непрочными границами пережить текущие неприятности и упорядочить свой жизненный путь; однако при этом возникают риски появления разного рода предрассудков, которые нередко делают депривированных людей еще более уязвимыми.

Парный регрессионный анализ подтвердил высокий вклад суверенности территории в показатель Веры в спра-

ведливый мир ($\beta = 0,23$ при $p = 0,02$). Таким образом, для поддержания веры в справедливость очень важна сохранность и безопасность личной территории, даже если эта территория невелика. Важна и суверенность тела, которая, возможно, также подвергалась испытаниям ($\beta = 0,21$ при $p = 0,01$); более того, суверенность тела представляет собой предиктор также и Веры в личную справедливость, причем сильный ($\beta = 0,30$ при $p = 0,002$). Остальные измерения суверенности такого значения не имеют.

Итак, оказывается, что у людей с сильно нарушенными границами наиболее сильными предикторами мироотношения остаются самые «брутальные», очевидные физические границы, телесные и территориальные, даже при общем дефицитарном состоянии всех границ вообще. Если обратиться к онтогенезу суверенности, то именно с этих составляющих и начинается ее развитие, которое затем, возможно, затормаживается и приостанавливается по каким-то причинам. Нарушение и без того слабых физических границ лишает человека веры в справедливость, однако верно и обратное: вполне возможно ожидать, что укрепление территориальной и телесной суверенности психотерапевтическими или повсед-

невыми средствами способно усилить также и веру в справедливость со всеми сцепленными с этим убеждением адаптивными феноменами.

В группе умеренно суверенных значимых связей с социальными верованиями не обнаружено вообще, однако присутствуют три тенденции: суверенность тела тяготеет к отрицательной связи с Религиозностью и Верой в личную справедливость (соответственно $r_s = -0,17$, $p = 0,09$; $r_s = -0,19$, $p = 0,06$), а суверенность вещей — к положительной связи с Верой в справедливый мир ($r_s = 0,19$, $p = 0,07$). Можно предположить, что опять же «материальная» укорененность в бытии в форме телесности и вещей сопряжена с рационалистичным и прагматичным мироотношением, в котором, с одной стороны, нет места непонятым «высшим» сущностям, также нет переживания справедливости личной судьбы, а с другой — понятие о справедливости сцеплено с важностью владения, обладания. Верят в справедливый мир те, у кого не удавалось что-то отнять. Регрессионный анализ вполне ожидаемо никаких связей не обнаружил.

Полученные результаты говорят о том, что в целом группа умеренно суверенных, по ранее полученным данным, наиболее адаптированная и психологически благополучная, либо очень вариативна по установкам, представляющим житейскую философию, либо вообще свободна от иллюзорных верований, помогающих рационализировать происходящее. Здесь могут встречаться как верующие, так и атеисты, как доверяющие миру, так и стремящиеся полагаться в основном на себя; ценностно-смысловая сфера умеренно суверенных, видимо, не обладает общими чертами. Возможно и другое — как наиболее адаптивная

группа, умеренно суверенные не ригидны в своих убеждениях и способны их менять, не «застывая» на иллюзорных стереотипах.

Наконец, в группе сверхсуверенных обнаружена одна положительная связь суверенности тела с Верой в общую справедливость ($r_s = 0,22$, $p = 0,03$), положительная связь суверенности привычек с Верой в личную справедливость ($r_s = 0,23$, $p = 0,02$) и отрицательная связь суверенности вещей с Религиозностью ($r_s = -0,21$, $p = 0,04$). Эта композиция верований способствует картине мира как надежного и справедливого места, в котором, однако, нет места иррациональному, правда, связи более нюансированы.

Регрессионный анализ позволил дополнить эти выводы. Обнаружено, что суверенность привычек представляет собой значимый антипредиктор Контроля над судьбой ($\beta = -0,23$ при $p = 0,02$), т. е. чем хуже люди могут сохранить свой распорядок жизни, тем слабее им видится возможность вмешаться в ход судьбы, что неудивительно. В то же время суверенность привычек вносит вклад в переживание Веры в личную справедливость ($\beta = 0,22$ при $p = 0,03$). Еще один результат — суверенность территории оказалась предиктором Вознаграждения за усилия ($\beta = 0,21$ при $p = 0,04$), а также Веры в справедливость мира ($\beta = 0,22$ при $p = 0,03$). Эта связь делает более понятной склонность сверхсуверенных буквально и физически внедряться в жизненное пространство других людей — владение территорией отвечает стереотипам их жизненной философии. При этом объяснима и их нетерпимость к временным ограничениям или попыткам упорядочить и регламентировать их активность.

Заключение

Эмпирические данные, полученные на репрезентативной группе и проанализированные с помощью трех статистических приемов, позволили заключить, что прочность личностных границ проявляет себя не только в межличностном, но также и в социокультурном пространстве и действительно связана с социальными верованиями как частью житейской философии, обладающей адаптивно-регуляторным смыслом.

Получена связь разных аспектов суверенности с Верой в личную справедливость и менее выраженная — с Верой в общую справедливость. Таким образом, можно заключить, что суверенность как черта личности оберегает человека от рентных установок и связанных с ними деструктивных ожиданий и способов поведения как по отношению к близким, так и в социокультурном пространстве, например по отношению к представителям иных социальных страт или этнических групп.

Далее, обнаружено, что умеренно суверенные отличаются более высокой по сравнению со сверхсуверенными верой в Вознаграждение за усилия, но Вера в личную справедливость у них ниже. Различий по остальным показателям верований и в сравнении с депривированными не обнаружено.

Однако анализ корреляционных и регрессионных связей в группе депривированных показал, что наиболее сильные предикторы, которые вносили вклад в переживание Веры в справедливый мир и личной справедливости — это суверенность тела и территории. В группе сверхсуверенных суверенность привычек и также территории вносили вклад в такие верования, как Контроль над судьбой (отрицательный), Вера в личную спра-

ведливость, Вознаграждение за усилия, Вера в общую справедливость. Таким образом, если для развития убеждений в группе респондентов со слабыми границами важнее всего измерения телесности и территориальности, то для группы со сверхпрочными границами это территориальность и временная самоорганизация. При этом в группе умеренно суверенных обнаружены только тенденции к связям. Эти данные дают подсказки для использования повседневных и психоразвивающих практик, направленных на изменение мироотношения человека.

Поскольку социальные верования — часть отношения к миру, в том числе к «другим» и «чужим», взаимодействие с которыми регламентируется житейской философией, можно полагать, что прочность психологических границ задает чувство безопасности не только в проксимальных отношениях, но также и в «большом» социуме и может быть связана с этническими, религиозными, политическими установками и стереотипами.

Полученные результаты дают понимание наиболее мощных средовых предикторов социальных верований в зависимости от уровня суверенности, что может при необходимости быть использовано в психоразвивающих практиках. Ограничение проведенного исследования — использование только студенческой выборки, что, впрочем, отвечает ранее полученным данным о том, что именно в подростково-юношеском возрасте суверенность образует максимальное количество нюансированных связей с другими переменными [5; 6]. Ближайшие перспективы продолжения исследования — включение дополнительных социокультурных переменных, например коллективизма-индивидуализма, выход на типологии и практические рекомендации.

Финансирование

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-06-00239).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мартirosян К.В.* Суверенность жизненного хронотопа представителей студенческой молодежи армянской диаспоры // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 41. С. 108–112.
2. *Мартirosян К.В.* Этноспецифичность суверенности психологического пространства личности // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16262> (дата обращения: 28.07.2017).
3. *Нартова-Бочавер С.К.* Единство субъекта и бытия как основа естественной психотерапии // Субъектный подход в психологии / Под ред. Журавлева А.Л., Знакова В.В., Рябикиной З.И., Сергиенко Е.А. Москва: Институт психологии РАН, 2009. С. 482–497.
4. *Нартова-Бочавер С.К.* Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства – 2010» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 105–119.
5. *Нартова-Бочавер С.К.* Психологическая суверенность как критерий личностной зрелости // Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. Журавлева А.Л., Сергиенко Е.А. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 149–173.
6. *Нартова-Бочавер С.К.* Современное состояние психологии суверенности как учения о личностных границах // У истоков развития / Под ред. Обуховой Л.Ф., Котляр (Корепановой) И.А. М.: МГППУ, 2013. С. 56–67.
7. *Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б.* Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 16–32.
8. *Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А.* Модель психического в онтогенезе человека. М.: Институт психологии РАН, 2009. 416 с.
9. *Силина О.В.* Структура границ Я у детей 2–10 лет // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 4. С. 83–98. doi:10.17759/sps.2016070406 (дата обращения: 30.04.2017)
10. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 4. С. 135–143.
11. *Телегина С.Я.* Особенности суверенности психологического пространства у русских, еврейских и татарских подростков // Вестник СПбгу. Психология и педагогика. 2016. Вып. 4. С. 146–157. doi: 10.21638/11701/spbu16.2016.412
12. *Фоминых Е.С.* Виктимизация и девиктимизация студентов с ограниченными возможностями здоровья в современных образовательных условиях [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2012. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2012/n4/57313.shtml> (дата обращения: 30.03.2017)

13. *Bardadymov V., Nartova-Bochaver S., Harutyunyan S., Khachatryan N., Wu M.S., Zhou C., Yuan J., Hakobjanyan A.* Personal sovereignty in secondary school and university students from Armenia, China, and Russia // 16th European Conference on Personality Psychology (Trieste, July 10-14 2012). Trieste: European Association of Personality Psychology, 2012. P. 180.
14. *Bond M.H.* et al. Culture-level dimensions of social axioms and their correlates across 41 cultures // *Journal of cross-cultural psychology*. 2004. Vol. 35. № 5. P. 548–570. doi: 10.1177/0022022104268388
15. *Bronfenbrenner U.* Two worlds of childhood. New York: Russell Sage. Рус. пер.: Бронфенбреннер У. Два мира детства. Дети в США и СССР. М.: Прогресс, 1976. 167 с.
16. *Clayton S., Opatow S.* Justice and identity: Changing perspectives on what is fair // *Personality and Social Psychology Review*. 2003. № 7. P. 298–310.
17. *Dalbert C.* The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity // *Social Justice Research*. 1999. Vol. 12. P. 79–98.
18. *Lerner M.J.* The belief in a just world: A fundamental delusion. New York: Plenum, 1980. 217 p.
19. *Leung K., Bond M. H., Reimel de Carrasquel S., Muñoz, C. Hernández M., Murakami F.*, et al. Social axioms: The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2002. Vol. 33. № 4. P. 286–302.
20. *Schmitt M., Maes, J., & Schmal A.* Gerechtigkeit als innerdeutsches Problem: Analyse der Messeigenschaften von Messinstrumenten für Einstellungen zu Verteilungsprinzipien, Ungerechtigkeitssensibilität und Glaube an eine gerechte Welt. Trier: Universität Trier, 1997. 47 p.
21. *Smith D.M.* Moral geographies: Ethics in a world of difference. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. 244 p.
22. *Sutton R., Douglas K.M.* Justice for all, or just for me? More evidence of the importance of the self–other distinction in just-world beliefs // *Personality and Individual Differences*, 2005. Vol. 39. № 3. P. 637–645. doi:10.1016/j.paid.2005.02.010 (дата обращения: 30.03.2017).
23. *Zajonc R.B.* The attitudinal effects of mere exposure // *Journal of Personality and Social Psychology*, Monograph Supplement. 1968. Vol. 9. № 2. P. 1–28.

Connection between the psychological sovereignty and social beliefs: personal boundaries in the social world

S.K. NARTOVA-BOCHAVER*,

National Research University Higher School of Economics Moscow, Russia,
s-nartova@yandex.ru

Connections between the psychological sovereignty and social beliefs: belief in a just world, religiosity, reward application, fate control were examined. 288 respondents ($M_{age} = 23,7$), 66 males participated in the survey. The following tools were used: the Sovereignty of the psychological space questionnaire – 2010 (Nartova-Bochaver, 2014), the General and Personal Belief in a Just World Scales (Dalbert, 1999), and the Social axioms survey (Leung et al., 2002; Tatarko, Lebedeva, 2008). There has been found that social beliefs differ depending on the sovereignty level. In addition, it has been revealed that in deprived individuals the body and territory sovereignty predicted the social beliefs, and in super-sovereign individuals the regime habits and territory sovereignty did. In the group of moderate sovereignty there weren't any significant connections. It was concluded that the most adapted group is free of typical beliefs as a form of social stereotypes.

Keywords: *psychological sovereignty, social beliefs, fate control, reward application.*

Funding

Supported by the Russian Foundation for Humanities, Project 16-06-00239

REFERENCES

1. Martirosjan K.V. Suverenost' zhiznennogo hronotopa predstavitelej studencheskoj molodjozhi armjanskoj diaspory [The sovereignty of the life chronotope of young students from the Armenian diaspora]. *Sborniki konferencij NIC Sociosfera*, 2013, no. 41, pp. 108–112.
2. Martirosjan K.V. Jetnospecificnost' suverenosti psihologicheskogo prostranstva lichnosti [Ethnospecificity of the sovereignty of the personal life space]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [The problems of the contemporary science and education], 2014, no. 6. Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16262> (Accessed : 28.07.2017).
3. Nartova-Bochaver S.K. Edinstvo sub'ekta i bytija kak osnova estestvennoj psihoterapii [Integrity of the agency and Dasein as a basis of the natural psychotherapy].

For citation:

Nartova-Bochaver S.K. Connection between the psychological sovereignty and social beliefs: personal boundaries in the social world. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 100–114. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080308

* Nartova-Bochaver Sofiya K. – Doctor in Psychology, Professor, National Research University Higher School of Economics Moscow, Russia, s-nartova@yandex.ru

In Zhuravleva A.L., Znakova V.V., Rjabikinoy Z.I., Sergienko E.A. (eds.). *Sub'ektnyj podhod v psihologii [The sub'ect approach in psychology]*. Moscow: Institut psihologii RAN, 2009, pp. 482–497.

4. Nartova-Bochaver S.K. Novaja versija oprosnika “Suverennost' psihologicheskogo prostranstva – 2010” [The new version of the questionnaire “The sovereignty of the psychological space – 2010”]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal]*, 2014. Vol. 35, no. 3, pp. 105–119.

5. Nartova-Bochaver S.K. Psihologicheskaja suverennost' kak kriterij lichnostnoj zrelosti [The psychological sovereignty as a criteria of the personal maturity]. In Zhuravleva A.L., Sergienko E.A. (eds.) *Fenomen i kategorija zrelosti v psihologii [Phenomenon and concept of the maturity in psychology]*. Moscow: Institut psihologii RAN, 2007, pp. 149–173.

6. Nartova-Bochaver S.K. Sovremennoe sostojanie psihologii suverennosti kak uchenija o lichnostnyh granicah [The modern research of the psychological sovereignty as a personal boundaries theory]. In Obuhovoj L.F., Kotljarskaja (Korepanovoj) I.A. (eds.). *U istokov razvitija [At the source of development]*. Moscow: MGPPU, 2013, pp. 56–67.

7. Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B. Psihologicheskie problemy spravedlivosti v zarubezhnoj personologii: teorii i jempiricheskie issledovanija [Theories and empirical research on justice in the foreign personality psychology]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal]*, 2014. Vol. 35, no. 1, pp. 16–32.

8. Sergienko E.A., Lebedeva E.I., Prusakova O.A. Model' psihicheskogo v ontogeneze cheloveka [Theory of mind in the human ontogenesis]. Moscow: Institut psihologii RAN, 2009. 416 p.

9. Silina O.V. Struktura granic Ja u detej 2–10 let. [The structure of the boundaries I for children 2–10 years]. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 83–98. doi:10.17759/sps.2016070406 (In Russ., abstr. in Engl.).

10. Tatarko A.N., Lebedeva N.M. Issledovanie social'nyh aksiom: struktura i vzaimosvjazi s social'no-jekonomicheskimi ustanovkami rossijan [Investigation into social axioms: structure and interconnections with socio-economic attitudes in Russians]. *Psihologija. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*. 2008. Vol. 5, no. 4, pp. 135–143.

11. Telegina S.Ja. Osobennosti suverennosti psihologicheskogo prostranstva u russkih, evrejskih i tatarskih podrostkov [Specificity of the sovereignty of the psychological space in Russian, Jewish, and Tatar adolescents]. *Vestnik SPbgu. Psihologija i pedagogika [Vestnik SPbSU. Psychology and Education]*. 2016. Vyp. 4, pp. 146–157. doi: 10.21638/11701/spbu16.2016.412

12. Fominykh E.S. Viktimizacija i deviktimizacija studentov s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja v sovremennyh obrazovatel'nyh uslovijah [Victimization and devictimization of students with disabilities in modern educational environment] [Elektronnyy resurs]. *Klinicheskaja i spetsial'naja psikhologija [Clinical Psychology and Special Education]*, 2012. Vol. 1, no. 4 (In Russ., abstr. in Engl.) URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2012/n4/57313.shtml> (Accessed: 30.03.2017).

13. Bardadymov V., Nartova-Bochaver S., Harutyunyan S., Khachatryan N., Wu M.S., Zhou C., Yuan J., Hakobjanyan A. Personal sovereignty in secondary school and university

- students from Armenia, China, and Russia. *16th European Conference on Personality Psychology* (Trieste, July 10-14 2012). Trieste: European Association of Personality Psychology, 2012, pp. 180.
14. Bond M.H. et al. Culture-level dimensions of social axioms and their correlates across 41 cultures. *Journal of cross-cultural psychology*. 2004. Vol. 35, no. 5, pp. 548–570. doi: 10.1177/0022022104268388
15. Bronfenbrenner U. Two worlds of childhood. New York: Russell Sage [Bronfenbrenner U. Dva mira detstva. Deti v SShA i SSSR (In Russ.)]. Moscow: Progress, 1976. 167 p.
16. Clayton S., Opatow S. Justice and identity: Changing perspectives on what is fair. *Personality and Social Psychology Review*, 2003. no. 7, pp. 298–310.
17. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity. *Social Justice Research*, 1999. Vol. 12, pp. 79–98.
18. Lerner M.J. The belief in a just world: A fundamental delusion. New York: Plenum, 1980. 217 p.
19. Leung K., Bond M. H., Reimel de Carrasquel S., Muñoz, C. Hernández M., Murakami F., et al. Social axioms: The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2002. Vol. 33, no. 4, pp. 286–302.
20. Schmitt M., Maes, J., & Schmal A. Gerechtigkeit als innerdeutsches Problem: Analyse der Messeigenschaften von Messinstrumenten für Einstellungen zu Verteilungsprinzipien, Ungerechtigkeitssensibilität und Glaube an eine gerechte Welt [Justice as an intra-German problem: analysis of psychometric properties of attitudes towards distribution principles, injustice sensitivity, and belief in a just world] Trier: Universität Trier, 1997. 47 p.
21. Smith D.M. Moral geographies: Ethics in a world of difference. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. 244 p.
22. Sutton R., Douglas K.M. Justice for all, or just for me? More evidence of the importance of the self–other distinction in just-world beliefs. *Personality and Individual Differences*, 2005. Vol. 39, no. 3, pp. 637–645. doi:10.1016/j.paid.2005.02.010 (data obrashhenija: 30.03.2017).
23. Zajonc R.B. The attitudinal effects of mere exposure. *Journal of Personality and Social Psychology, Monograph Supplement*, 1968. Vol. 9. no. 2, pp. 1–28.